

ПУБЛИКАЦИИ

УДК: 316.72(47+57)(09)

Для цитирования: Краснощеков К.Е., прот. Советская гражданская обрядность как элемент гонений на Русскую Православную Церковь: исторический обзор // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2022. № 3 (18). С. 82–105.
DOI: 10.56621/27825884_2022_18_82

Протоиерей Кирилл Евгеньевич Краснощеков,

кандидат богословия, доцент,
заведующий кафедрой церковной истории
Саратовской православной духовной семинарии,
Российская Федерация, 410028, г. Саратов,
ул. Мичурина, 92
o.kirill@list.ru
ORCID: 0000-0002-7046-7592

Советская гражданская обрядность как элемент гонений на Русскую Православную Церковь: исторический обзор

Протоиерей К.Е. КРАСНОЩЕКОВ

Аннотация: Статья посвящена масштабным и, наверное, самым протяженным по времени государственным усилиям по внедрению новой гражданской обрядности, предназначенной для воспитания «нового человека», свободного от религиозных пережитков. Показана искусственность и безжизненность советской гражданской обрядности, ее неспособность удовлетворить духовные потребности человека. Исследованы новые советские ритуалы — «звездины», или «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны», «торжественные регистрации брака», «гражданские панихиды».

Ключевые слова: советская гражданская обрядность, гонения на Русскую Православную Церковь, «звездины», или «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны», «торжественные регистрации брака», «гражданские панихиды».

Обрядность есть воплощение традиции, которая в свою очередь отражает религиозную, культурную и историческую память народа. Именно поэтому любые попытки ввести новую обрядность в какие-

либо стороны жизни человека должны восприниматься настороженно. К этим попыткам нельзя относиться как к игре, за каждой из них стоит желание внести изменения в один или во все вышеперечисленные элементы живой народной традиции. Настоящая статья посвящена масштабным и, наверное, самым протяженным по времени государственным усилиям по внедрению новой гражданской обрядности, предназначенной для воспитания «нового человека», свободного от религиозных пережитков.

К. Маркс писал: «В эксплуататорском обществе традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹. Революция уничтожает эксплуататорское общество, но ей не так-то просто уничтожить традиции (а до 1917 года в России можно говорить только о религиозных традициях, и прежде всего — православных). Избавляться от этого «кошмара традиции» приходится долго. Трудящиеся, как отмечал В. И. Ленин, избавляются от старых привычек и традиций «не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями»². Таким образом, борьба с религиозной обрядностью рассматривалась марксизмом-ленинизмом как элемент классовой борьбы, причем борьбы долгой и трудной.

Например, в своей статье «Семья и обрядность» Л. Троцкий утверждал, что для успеха антирелигиозной пропаганды вопрос обрядности играл центральную роль:

«Церковная обрядность держит даже и неверующего или мало верующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть. Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, заявив гражданам, что они имеют право рождаться, сочетаться и умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облаченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1957. С. 119.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981. С. 101.

³ Троцкий Л. Семья и обрядность. Цит. по: Смолкин-Ротрок В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 446.

При этом Троцкий понимает, что уничтожить обрядность полностью даже в советском обществе невозможно:

«Как ознаменовать брак или рождение ребенка в семье? Как отдать дань внимания умершему близкому человеку? На этой потребности отметить, ознаменовать, украсить главные вехи жизненного пути и держится церковная обрядность <...>⁴

Поэтому кто говорит, что: в бытовой работе никакой обрядности, понимая под обрядностью не церковные фокусы, а коллективные формы выражения своих чувств, настроений, тот хватается через край. В борьбе со старым бытом он расшибет себе лоб, нос и другие необходимейшие органы»⁵.

Таким образом, большевики довольно быстро поняли, что уничтожить обрядность в принципе им не удастся, да это и невозможно (хотя и тут были радикалы: председатель Союза воинствующих безбожников Ем. Ярославский приводит в пример некоего товарища, который «даже написал завещание: когда я умру, я завещаю мой труп отдать в мыловарню и сделать из него мыло, а то у вас развивается “коммунистическое двоеверие”. Вы, мол, боретесь против обрядности, а сами установили массу всяких обрядностей»⁶). Но главной линией партии на протяжении всего советского периода истории нашей страны станет линия на изобретение новой гражданской обрядности, которая, по мысли Л. Троцкого, должна была удовлетворять потребность трудящихся как-то отметить три важнейших этапа жизни человека — рождение, брак, смерть.

Отвечая на эту потребность, молодое Советское государство предложило обряд «звездин», или «октябрин» (вместо крестин); «красных свадеб» и «красных похорон». Что же представляли собой эти новые обряды?

«Звездины», или «октябрины». Обратимся к воспоминаниям современников:

«Родители получали красную люльку, а к пеленкам младенца прикалывали комсомольский значок — “принимали в комсомол”. Вась

⁴ Троцкий Л. Семья и обрядность. Цит. по: Смолкин-Ротрок В. Указ. соч. С. 446.

⁵ Троцкий Л. О задачах деревенской молодежи. О новом быте. Цит. по: Смолкин-Ротрок В. Указ. соч. С. 446.

⁶ Ярославский Е. Как вести антирелигиозную пропаганду. Доклад, прочитанный 20-го апреля на 1-м всесоюзном съезде корреспондентов газ. «Безбожник» и Общества друзей газеты «Безбожник». Цит. по: Смолкин-Ротрок В. Указ. соч. С. 445.

этот ритуал именовался “октябрением”»; «Двое присутствующих брали на себя ответственность за пролетарское воспитание; назывались они “звездный отец” и “звездная мать”»; «Мальчика, которого хотели назвать Михаилом, назвали Будимиром. А девочку, которая должна была стать Марией, — Розарией. Председатель передал детей с рук на руки “красным крестным” (представителям советской власти из района), а те — отцам. Для большей торжественности сельчан колонной (во главе с родителями с детьми на руках) с кумачовым флагом обвели вокруг деревни, словно в крестный ход на Пасху»; «Товарищи по работе пришли в одну семью, где родилась девочка, поздравили родителей, выбрали имя ребенку и преподнесли наказ: “Мы осеняем тебя не крестом, не святой водой и молитвой, а нашим Красным знаменем борьбы и труда, пробитым пулями, разорванным штыком <...> Когда твой разум окрепнет, прочти эти строки, встань в ряды бойцов, разбей последние остатки рабства и страдания, в которых веками томилось человечество...”»⁷.

Новые советские имена отражены в стихотворении Александра Прокофьева «Страна принимает бой» (1930):

*«Мы святцы похерили... Не имена —
Лука, Фома, Митродор.
Их за пояс сразу всегда заткнут —
Револ и Автодор.
Такие проходят по всей земле,
нарушив земли покой.
Лука удивляется, почему
назвали его Лукой.
Фома от Луки недалеко ушел.
А рядом, войдя в задор,
Ворочает глину и камень-валун —
советский сын Автодор»⁸.*

«Красная газета» в январе 1927 года пишет, что «в большинстве случаев из революционных имен часто повторяются Энергий, Нинель, Сталь, Май и Майя, Будимир, Рэм (революция, электрификация и мир), Коминтерн,

⁷ Бондаренко Е.Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 167, 168, 170.

⁸ Поэзия о гражданской войне 1918–1920 годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-battle.ru/warfare.php?part=2&author=125&poems=851> (дата обращения: 20.05.2022).

Марат, Жорес, Володар, Ким, Электрон, Энгельс, Марксен, Слава, Воля, Светлана, Интерна. Затем идут имена производственные — Гончар, Горн, Кузнец. Названия цветов, названия рек, названия месяцев, названия музыкальных произведений (Марсельеза и т.п.) <...> Для облегчения родителям, желающим переменить имя своему ребенку, циркуляром НКВД разрешено делать это до 3-летнего возраста детей. Новые имена могут быть только революционные»⁹. Как тут не вспомнить формулу: «По имени и житие».

Еще одни бытописатели советской действительности 1920—1930-х годов Илья Ильф и Евгений Петров так описывают «октябрины» в своем фельетоне 1935 года в газете «Правда»:

«Новорожденного несли в местком. Здесь происходил церемониал вручения подарка. Дарили всегда одно и то же — красное сатиновое одеяло. Но уж за это одеяло председатель месткома брал реванш — над люлькой младенца он произносил двухчасовой доклад о международном положении. Новорожденный, натурально, закатывался, но опытному оратору ничего не стоило его перекричать. Взрослые тоскливо курили. Оркестр часто играл туш. По окончании доклада несколько посиневшему младенцу давали имя: мальчика называли Доброхим, а девочку — Кувалда, надеясь, что детей будут так называть всю жизнь. Потом все с чувством какой-то неловкости шли домой, а председатель, оставшись один, вынимал ведомость и с удовлетворением записывал: “За истекший квартал проведено политобеденных перерывов 8, культшквалов — 12, октябрин — 42”. Дома, конечно, все приходило в норму. Доброхима называли Димой, а Кувалду, естественно, Клавдией. Но чувство неудовлетворенности оставалось еще долго»¹⁰.

«Красные свадьбы». «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 20 января (2 февраля) 1918 года и вступивший в силу 23 января (5 февраля) того же года, в статье 8 провозглашал, что: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений»¹¹.

⁹ Детям можно менять имена. «Сталь», «Майя», «Будимир» — в новом быту // Красная газета. 1927. № 4 (2650). С. 4.

¹⁰ Ильф И., Петров Е. Мать (1935) // Собрание сочинений. Т. 3. М., 1961. С. 382—383.

¹¹ Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 2.02.1918 // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 20.05.2022).

Отныне государство признавало только гражданский брак. Брак церковный объявлялся частным делом граждан, юридически ничтожным. Казалось бы, большевистским пропагандистам надо было придать этому браку какую-то новую, революционную торжественность. Однако этого не произошло. И связано это, скорее всего, с подозрительным отношением большевиков к браку и семье в принципе. Теоретики марксизма писали, что семья при коммунизме должна исчезнуть, а заботу о детях возьмет на себя государство. В некоторых «прогрессивных» кругах популярной становится приписываемая Александре Коллонтай теория «стакана воды», согласно которой удовлетворение потребностей пола в коммунистическом обществе должно осуществляться так же легко, как утоление жажды стаканом воды. Брак этому только мешает. «От этой теории “стакана воды”, — сообщает Ленин Кларе Цеткин, — наша молодежь взбесилась, прямо взбесилась...»¹². Может быть, поэтому «красные свадьбы» 1920—1930-х годов не получили развитого церемониала. На практике он сводился к лишней малейшей торжественности «рописи» (отсюда своеобразный термин «расписаться», обозначающий и в современной обыденной речи заключение брака) и последующим посиделкам с друзьями дома или в комсомольском клубе. Вся сущность «красной свадьбы» сводилась к тому, что это была свадьба «без попа» и «без колец».

Еще раз обратимся к бытописателям советской действительности 1920—1930-х годов Ильфу и Петрову. До того как пуститься во всем известную авантюру, герой романа «Двенадцать стульев» Ипполит Матвеевич Воробьянинов работал скромным регистратором в ЗАГСе города N:

«Стол, за которым работал Ипполит Матвеевич, походил на старую надгробную плиту. Левый уголок его был уничтожен крысами. Хилые его ножки тряслись под тяжестью пухлых папок табачного цвета с записями, из которых можно было почерпнуть все сведения о родословных жителей города N <...> Вынув из ящика стола синюю войлочную подушечку, Ипполит Матвеевич положил ее на стул, придал усам правильное направление (параллельно линии стола) и сел на подушечку <...> За всеми манипуляциями советского

¹² Цеткин К. Воспоминания о Ленине. Цит. по: Осипович Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов. [Электронный ресурс]. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/006/743/1217/018Tatyana_OSIPOVICH.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

служащего застенчиво следили двое молодых людей — мужчина и девушка. Мужчина в суконном, на вате, пиджаке был совершенно подавлен служебной обстановкой, запахом ализариновых чернил, часами, которые часто и тяжело дышали, а в особенности строгим плакатом: “Сделал свое дело — и уходи”. Хотя дела своего мужчина в пиджаке еще и не начинал, но уйти ему уже хотелось. Ему казалось, что дело, по которому он пришел, настолько незначительно, что из-за него совестно беспокоить такого видного седого гражданина, каким был Ипполит Матвеевич. Ипполит Матвеевич и сам понимал, что у пришедшего дело маленькое, что оно терпит, а потому, раскрыв скоросшиватель № 2 и дернув щечкой, углубился в бумаги. Девушка в длинном жакете, обшитом блестящей черной тесьмой, пошептала с мужчиной и, потя от стыда, стала медленно подвигаться к Ипполиту Матвеевичу.

— Товарищ, — сказала она, — где тут...

Мужчина в пиджаке радостно вздохнул и, неожиданно для самого себя, гаркнул:

— Сочетаться!

Ипполит Матвеевич внимательно поглядел на перильца, за которыми стояла чета.

— Рождение? Смерть?

— Сочетаться, — повторил мужчина в пиджаке и растерянно оглянулся по сторонам.

Девушка прыснула. Дело было на мази. Ипполит Матвеевич с ловкостью фокусника принялся за работу. Записал старушечьим почерком имена новобрачных в толстые книги, строго допросил свидетелей, за которыми невеста сбегала во двор, долго и нежно дышал на квадратные штампы и, привстав, оттискивал их на потрепанных паспортах. Приняв от молодоженов два рубля и выдавая квитанцию, Ипполит Матвеевич сказал, усмехнувшись: “За совершение таинства” — и поднялся во весь свой прекрасный рост, по привычке выкатив грудь <...>

— Молодые люди, — заявил Ипполит Матвеевич выпендренно, — позвольте вас поздравить, как говаривалось раньше, с законным браком. Очень, очень приятно видеть таких молодых людей, как вы, которые, держась за руки, идут к достижению вечных идеалов. Очень, очень приятно.

*Произнесши эту тираду, Ипполит Матвеевич пожал но-
вобрачным руки, сел и, весьма довольный собою, продолжал
чтение бумаг из скоросшивателя № 2»¹³.*

«Красные похороны». Из всех трех компонентов «коммунистической обрядности» — рождения, брака и смерти — атеистам труднее всего было как-то справиться с фактом смерти. Образ Божий, заложенный в каждом человеке, несет на себе отпечаток райского дара личного бессмертия. Поэтому человек просто не может смириться с фактом собственной смерти. У православного человека ужас смерти преодолевается верой в бессмертие души и всеобщее воскресение, а что же было делать со смертью советским атеистам? Здесь можно проследить два подхода: фактическое отчаяние перед смертью, следствием которого является существование по принципу «один раз живем» и безразличное отношение к жизням других людей, или попытки создания позитивного отношения к смерти — человек умер, но дело его живет.

В практике создания новой гражданской обрядности примером «отчаянного» отношения к смерти может являться кампания по строительству первого в России крематория. В разгар изъятия и уничтожения святых мощей советской властью был издан специальный декрет о допустимости и даже предпочтительности кремации покойников, подписанный лично В.И. Лениным. В это же время Л.Д. Троцкий опубликовал статью, в которой предлагал лидерам революции подать пример и завещать сжечь свои трупы. Был объявлен конкурс на проект первого в республике крематория. Лозунг конкурса: «Крематорий — кафедра безбожия». И это в 1919 году! Казалось бы, разруха, гражданская война, внешнеполитические проблемы, — неужели советской власти нечем больше заняться? Но построение безбожного общества всегда являлось одной из первостепенных ее задач.

1 июня 1920 года «постоянная комиссия Петросовета по постройке первого государственного крематориума и морга» направила в канцелярию Александро-Невской лавры предписание «немедленно приостановить работы на огородах ввиду необходимости приступить в течение ближайших дней к рытью котлована под фундамент первого государственного крематориума. Площадь постройки совпадает

¹³ Ильф И.А., Петров Е.П. Двенадцать стульев. М., 2012. С. 34–36.

с местом всего огорода»¹⁴. Невероятными усилиями митрополит Вениамин (Казанский) и монастырская братия смогли отстоять не только огород, но и всю территорию лавры от кощунственного строительства. Работы были перенесены на Васильевский остров.

Некоторые дневниковые записи тех лет содержат уникальные описания посещения крематориев с развлекательными целями. Один из наиболее ярких примеров — дневник К. И. Чуковского. В записи от 3 января 1921 года читаем:

«В печи отверстие, затянутое слюдой, — там видно беловатое пламя — вернее, пары — напускаемого в печь газа. Мы смеемся, никакого пиетета. Торжественности ни малейшей. Все голо и откровенно. Ни религия, ни поэзия, ни даже простая учтивость не скрашивает места сожжения. Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих. Все в шапках, курят, говорят о трупах, как о псах. <...> Наконец молодой строитель печи крикнул: “Накладывай!” — похоронщики в белых балахонах схватились за огромные железные щипцы, висящие с потолка на цепи, и, неуклюже ворочая ими и чуть не съездив по физиономиям всех присутствующих, возложили на них вихляющийся гроб и сунули в печь, разобрав предварительно кирпичи у заслонки. Смеющийся Грачев очутился в огне. Сквозь отверстие было видно, как горит его гроб — медленно (печь совсем холодная), как весело и гостеприимно встретило его пламя. Пустили газу — и дело пошло еще веселее. Комиссар был вполне доволен: особенно понравилось всем, что из гроба вдруг высунулась рука мертвеца и поднялась вверх — “Рука! рука! смотрите, рука!” <...> Мы по очереди заглядывали в щелочку и с аппетитом говорили друг другу: “расколся череп”, “загорелись легкие”, вежливо уступая дамам первое место»¹⁵.

Впрочем, несмотря на призыв вождей, завещать кремировать собственное тело решались не многие. Об этом свидетельствует статистика работы Первого Петроградского крематория. За все время его существования с 14 декабря 1920 года по 21 февраля 1921 года было кремировано 379 тел, из которых лишь 16 — по желанию родствен-

¹⁴ Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 211.

¹⁵ Чуковский К. И. Дневник. Т. 1: 1901–1921. М., 2011. С. 312–314.

ников или согласно завещанию, а остальные — в административном порядке (неопознанные трупы и т. п.)¹⁶. То есть и в случае с кремацией обряд этот не получил массового распространения и в 1920-е годы тоже должен рассматриваться скорее как антирелигиозная и даже античеловеческая манифестация.

Примером «позитивного» отношения атеистов к смерти могут служить попытки разработки ритуала «красных похорон». Советский писатель и публицист Викентий Вересаев в своем очерке 1926 года «Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта)» описывает несколько «красных похорон», в которых довелось участвовать ему самому либо его близким друзьям. И хотя похороны эти были не рядовые — с оркестром, с гражданской панихидой, — они оставили ощущение гнетущей пустоты — все время «чувствовалась потребность в чем-то, что дало бы выход тому, что было на душе»¹⁷.

Что же представляли собой «красные похороны» 1920-х годов? Опять обратимся к воспоминаниям очевидцев:

«На похороны явилось много народу. Погребальное шествие остановилось у клуба союза молодежи, где были произнесены речи. Не поповским пением, а ружейными залпами проводили маленького покойника в могилу. У нас это первые гражданские похороны. Они произвели большое впечатление в городе»; «На похоронах собрались все рабочие, не только живущие на фабрике, но и все находящиеся в ближайших деревнях. <...> Всего на похоронах было 2000–3000 человек. Во время шествия от квартиры до могилы играл оркестр, в промежутках коммунисты и союз коммунистической молодежи исполняли похоронный марш. <...> Во время речей над свежей могилой все слушали с напряженным вниманием <...>»¹⁸.

Интересно, что именно в этот период, в 1924–1925 годах, в крупных городах Советского Союза возникает практика «пионерских

¹⁶ См.: Егоров А. Крематории России. Первый московский крематорий. Как это было // Журнал «Похоронный дом». [Электронный ресурс]. URL: <https://funeralportal.ru/library/1080/5422.html> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁷ Вересаев В.В. Об обрядах старых и новых (к художественному оформлению быта). Цит. по: Соколова А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» // Отечественные записки. 2013. № 5 (56). [Электронный ресурс]. URL: <https://strana-oz.ru/2013/5/nelzyanelzya-novyhyudey-horonit-po-staromu> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁸ Похороны коммуниста. Цит. по: Соколова А. Указ. соч.

похорон», когда дети-пионеры хоронили своих сверстников сами, без участия взрослых. «Дети 1920-х годов в точности копируют взрослый красный похоронный обряд, воспроизводя и структуру, и набор ритуальных ролей (исполнители песен, траурные риторы, и вакантные/нулевые роли — отсутствие священников), и колористическую гамму, и музыкальное сопровождение. У детей, живущих в крупных промышленных центрах, в частности Ленинграде, был опыт наблюдения за публичными показательными похоронами революционеров»¹⁹. При этом нетрудно заметить, что описанные «красные похороны» просто не могли быть массовыми: оркестр, ружейные залпы, 2–3 тысячи провожающих — кого могли так хоронить? Даже если речь шла о похоронах пионера, это всегда была постановочная показательная антицерковная акция. Практика гражданских, «красных», похорон в 1920-х годах была малораспространенной, специфичной скорее для активных коммунистов — членов партии, а также комсомола и пионерского движения. Подавляющее число русских людей продолжало хоронить своих близких по церковному обряду — со священником, а при его отсутствии мирянским чином.

В целом о степени распространенности «красной обрядности» среди населения в 1920-х годах позволяет судить статистика по Тамбовской губернии. За I квартал 1927 года во всей губернии было зафиксировано 13 октябрин, 35 красных свадеб и 9 гражданских похорон²⁰. Совсем не много для большой губернии за четыре месяца, но нужно учитывать, что это статистика 1927 года, когда церковная жизнь была еще удовлетворительна, храмов и духовенства достаточно. В дальнейшем ситуация будет стремительно меняться, и связано это прежде всего с закрытием храмов и физическим истреблением священников и активных мирян. Да и единства в вопросе о новой обрядности в большевистских кругах не было. Некто М. Галактионов в 1929 году опубликовал в «Комсомольской правде» статью «Не заменять, а разрушать». В ней автор нападает на председателя Союза воинствующих безбожников Е.М. Ярославского за то, что он предлагал вытеснять обряды старого быта новыми обычаями. «Пошлая реакционная идея о замене религии

¹⁹ Маслинская С.Г. (Леонтьева). По-пионерски жил, по-пионерски похоронен: материалы к истории гражданских похорон 1920-х гг. Цит. по: Соколова А. Указ. соч.

²⁰ См.: Безгин В.Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX века): сборник научных статей. Вып. 2. Тамбов, 1998. С. 143.

социалистическими настроениями насквозь оппортунистична, — писал М. Галактионов. — Наша задача не делать замену религии, а разрушать ее»²¹. В ответ Е.М. Ярославский назвал такой подход к проблеме новой гражданской обрядности «немарксистским»²².

Конец дискуссиям наступил в середине 1930-х годов. Вышеприведенный фельетон об октябринах Ильфа и Петрова в газете «Правда» появился, конечно, неслучайно. После 1935 года Сталин отходит от экспериментов культурной революции в области идеологии и быта. Происходит своеобразная идеологическая трансформация в сталинском СССР — поворот от революционного радикализма, в то время называвшегося троцкизмом, в сторону традиционных ценностных установок и практик (тогда же, в 1935 году, была реабилитирована новогодняя елка). Однако в исследуемой области это привело лишь к отмене уродливой революционной обрядности. Взамен же ей не было предложено ничего.

Только в конце 1950-х годов, во времена хрущевской «оттепели», в прессе начинается — или, точнее, возобновляется — дискуссия о советской обрядности: нужна ли она вообще, и если да, то какой она должна быть. В фондах РГАНИ хранится обращение Алексея Суркова, генерального секретаря Союза писателей (1956), в Отдел культуры ЦК КПСС:

«Гражданка Т.И. Кубракова из Саратовской области обратилась в Союз писателей с письмом, в котором ставит вопрос о бытовой обрядности. Письмо это, написанное старым человеком, может на первый взгляд показаться примитивным и даже немного смешным. Но вопросы, поставленные в этом письме, все послеоктябрьские годы волнуют уже. Ведь мы на самом деле ничего не дали народу взамен красочных и действующих на воображение церковных обрядов, оформляющих рождение, брак и смерть человека. Союз писателей слишком узкопрофессиональная организация, чтобы осмелиться взять на себя решение такого вопроса, имеющего общенародное значение. Поэтому я и счел себя обязанным переслать это письмо в Центральный Комитет»²³.

²¹ Галактионов М. Не заменять, а разрушать. Цит. по: Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974. С. 19–20.

²² См.: Руднев В.А. Советские обычаи и обряды. Л., 1974. С. 19–20.

²³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 14. Л. 3. Цит. по: Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. СПб., 2008. № 8. С. 267.

Реакция была скорее негативной. Адресаты обращения скептически отнеслись к самой возможности внедрить «сверху» в народ новые традиции. Вместо активной разработки новых обрядов предлагалось устраивать сатирические нападки на старые: «Полагали бы целесообразным поручить “Литературной газете” и “Комсомольской правде” выступить со статьями на заданную тему»²⁴ (т. е. продолжить борьбу со старой, церковной, обрядностью).

Но пройдет всего несколько лет, и в стране будет развернута масштабная государственная кампания по разработке и внедрению новой социалистической безрелигиозной обрядности. В 1961 году проходил XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, вошедший в историю как «съезд строителей коммунизма». На съезде принимается третья программа КПСС, которая представляла собой конкретный план строительства коммунизма, рассчитанный на 20 лет. А при коммунизме, как известно, религиозных пережитков быть не должно. Именно этой установкой обусловлены «хрущевские» гонения на Церковь, которые многие исследователи считают даже более страшными, чем гонения 1920–1930-х годов. А разработка новой гражданской обрядности становится составным элементом этих гонений.

Партийные идеологи задались непростым вопросом: на дворе 1960-е годы, человек полетел в космос, страна строит коммунизм, после революции выросло уже не одно безрелигиозное поколение, Церковь много десятилетий лишена возможности вести миссионерскую и катехизическую деятельность, — почему же советские люди продолжают венчаться, крестить детей и отпевать родителей? Что привлекает их в храмы? Ответ был найден — красота и торжественность церковного обряда. Действительно, жизнь советского человека была серой — серые стены, серые пальто, «воробьиные кофты и грязь по числу щелочей» (И. Бродский). На этом фоне позолота иконостаса, мерцание лампад, облачение священнослужителей, торжественность церковного пения могли производить на советских людей впечатление, подобное тому, которое произвело на послов святого князя Владимира богослужение в Софии Константинопольской. А значит, нужно срочно дать советским людям достойную альтернативу — новые, красивые гражданские обряды. Над их созданием в это время

²⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 34. Д. 14. Л. 4. Цит. по: Келли К., Сиротинина С. Указ. соч. С. 267.

трудятся не только клубные массовики-затейники, но и ведущие учебные страны. Появляются многочисленные комиссии по новым обрядам на местах, в сферу деятельности которых входит непосредственное внедрение методических разработок.

Апогеем этой кампании становится Постановление Совета министров РСФСР от 18 февраля 1964 года № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». В преамбуле Постановления особо отмечается, что оно способствует «преодолению религиозных предрассудков и суеверий». Во многих местах страны местные власти «организуют проведение торжественного бракосочетания с участием депутатов местных Советов, представителей коллективов, членами которых являются новобрачные, их родителей и знакомых. Церемония бракосочетания проводится обычно в предпраздничные и воскресные дни, в лучших Дворцах культуры и клубах». Кроме того, «торжественно стали проводиться регистрация новорожденных, вручение паспортов шестнадцатилетним, вступление молодежи в трудовую жизнь, проводы в Советскую Армию; силу традиции приобретают праздники Труда, Урожая, Весны, Русской зимы». Особо отмечается, что эти новые праздники — праздники безрелигиозные. Празднуя их, «колхозники стали уделять больше внимания улучшению условий быта, повышению культурного уровня и перестали посещать церковь».

Есть, конечно, и недостатки:

«Исполкомы местных Советов депутатов трудящихся некоторых автономных республик, краев и областей мало уделяют внимания внедрению их в быт, вследствие чего регистрация браков и рождений нередко проводится в будничной, казенной обстановке, вызывая тем самым неудовлетворенность и справедливые нарекания трудящихся. Особенно мало проявляется заботы о внедрении ритуалов гражданских похорон. Большинство кладбищ не имеет для этого необходимых условий.»

Одной из причин указанных недостатков в деле внедрения новых гражданских обрядов является слабая работа министерств и ведомств РСФСР, призванных заниматься этим делом». «Для более активного внедрения в быт советских людей безрелигиозных праздников и новых гражданских обрядов Совет Министров РСФСР постановляет <...> образовать

при Юридической комиссии Совета Министров РСФСР совет по разработке и внедрению в быт новых гражданских обрядов»²⁵.

В Совет, помимо партийной номенклатуры, должны были войти первый заместитель председателя Правления Союза писателей РСФСР, секретарь Правления Союза композиторов РСФСР, секретарь Правления Союза художников РСФСР, член Президиума Всероссийского театрального общества. В задачи нового Совета входило «в 3-месячный срок разработать порядок официальной части при регистрации ребенка, выдаче паспорта, бракосочетании и при других важных событиях в жизни советских людей»²⁶, то есть за три месяца необходимо сочинить и внедрить в жизнь массу новых обрядов. Постановление предполагало создание целой инфраструктуры для новых праздников: строительство Домов счастья и разработку проектов траурных павильонов, открытие специализированных магазинов и ателье, создание обрядового репертуара песен и музыки.

Что же собой представляли эти новые обряды? Обратимся к книге кандидата исторических наук Владимира Александровича Руднева, в которой обобщается более чем десятилетний опыт ленинградских общественных организаций и советских учреждений по разработке и внедрению в быт новых гражданских ритуалов и праздников.

«Торжественная регистрация новорожденных и ритуал имянаречения». Для проведения данной церемонии в Ленинграде в 1965 году открыт ритуальный дворец «Малютка». Родители, у которых родился ребенок, не позднее пяти дней после выписки матери из роддома обращаются во дворец «Малютка» с заявлением о своем намерении провести торжественный ритуал. Сам ритуал «регистрации нового гражданина СССР» включает в себя торжественную обстановку, музыкальное сопровождение, исполнение государственного гимна, вручение родителям свидетельства о рождении ребенка, поздравительную речь. Самое интересное в этом ритуале — это присутствие «почетных родителей» — прямой аналогии крестных ро-

²⁵ Постановление Совета министров РСФСР от 18 февраля 1964 года № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1856#kpaNsBTBkE8xZmwU> (дата обращения: 20.05.2022).

²⁶ Там же.

дителей. Они расписываются в регистрационной книге и принимают обязательства следующего содержания:

«Мы, почетные родители, торжественно обещаем поддерживать нашего сына (или дочь) на всем его жизненном пути, всегда протягивать ему дружескую руку и приходить на помощь в трудную минуту. Мы обязуемся помочь родителям вырастить честного и справедливого гражданина, преданного патриота, трудолюбивого строителя коммунизма».

Учитывая многочисленные просьбы молодых родителей, входящих во дворец «Малютка», общественный совет разработал рекомендации по выбору имени для ребенка. По сути, это «советские святцы», включающие в себя «имена широкого распространения» и «другие имена», все, впрочем, вполне традиционные²⁷.

«Торжественная регистрация брака». Тот же В. А. Руднев описывает идеальную свадебную церемонию во Дворце бракосочетания, включающую в себя торжественную и красивую обстановку, музыкальное сопровождение, вопросы ведущей о свободном вступлении в брак и выборе фамилии, роспись, напутственное слово, обмен кольцами, поцелуями и возложение цветов к памятнику Ленина²⁸. Это был действительно прорыв, если учитывать, что с 1934 года органы ЗАГС были включены в структуру НКВД (с 1946 г. — МВД), в функции которого входило обеспечение общественного порядка и государственной безопасности, охрана социалистической собственности, пограничная охрана, содержание и охрана исправительно-трудовых лагерей и запись актов гражданского состояния. Все сотрудники отделов ЗАГС имели милицейские чины. Сами ЗАГСы располагались в одних помещениях с райотделами милиции, то есть туда могли одновременно входить молодые и подконвойные преступники или пьяные дебоширы. И тех и других встречали люди в погонах. Тут уж не до поцелуев... 25 октября 1956 года органы ЗАГС были выведены из подчинения МВД и переданы в ведение местных Советов народных депутатов, а в 1959 году в Ленинграде открывается первый Дворец бракосочетания.

«Гражданская панихида». Данный обряд (по Рудневу) проводится так:

²⁷ Руднев В.А. Указ. соч. С. 93–100.

²⁸ См.: Там же. С. 77–79.

«Гроб с телом умершего переносится в ритуальный зал и устанавливается на постаменте. Слева у постамента располагаются стулья для родственников и близких. Над гробом — большой траурный стяг. На подставке у изголовья находится портрет умершего, а на бархатных алых подушечках — ордена и медали. Мужчины, заходя в ритуальный зал, снимают головные уборы. Венки от организаций и отдельных лиц возлагаются к подножию постамента с гробом, а также устанавливаются на специальной решетке с правой стороны. Около гроба выставляется сменяемый через 2–3 минуты почетный караул из друзей, близких и сослуживцев умершего (по два человека — у головы и у ног). На левой руке у членов почетного караула траурные повязки из красного материала с черной каймой. В зале приглушенно звучат траурные мелодии.

В назначенное время распорядитель или ведущий ритуала начинает гражданскую панихиду вступительным словом. После этого звучит траурная мелодия, и траурный стяг медленно приспускается над гробом. Распорядитель похорон предоставляет слово друзьям и сослуживцам умершего. В кратких речах они рассказывают об умершем, о его жизни, заслугах и прощаются с ним. Весь похоронный церемониал проникнут чувством уважения к заслугам умершего перед обществом. По окончании выступлений ведущий закрывает церемонию словами прощания: “Гражданин Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (называет фамилию, имя, отчество) закончил свой жизненный путь. Родина прощается со своим сыном (дочерью). Пусть добрая память о нем (о ней) вечно сохраняется в наших сердцах”.

Звучит “Реквием” Д. Шостаковича. Медленно поднимается траурный стяг. Когда музыка умолкает, снимается почетный караул. Все желающие проститься с умершим проходят друг за другом вокруг гроба. Последними прощаются родные и близкие. Гроб закрывается крышкой. Начинается церемония выноса гроба: сначала из ритуального зала выносят венки, ордена и медали на подушечках, а затем гроб, который устанавливают на катафалк изголовьем вперед. Катафалк направляется к месту захоронения. За гробом следуют друзья и сослуживцы умершего с венками (по два человека на венок), венки один от другого несут на рас-

стоянии в два шага. Далее на некотором расстоянии один от другого следуют лица, несущие подушечки с орденами и медалями. Затем идут родственники и близкие умершего, его друзья и сослуживцы.

По прибытии процессии к могиле венки устанавливают на специальные подставки, заблаговременно приготовленные администрацией кладбища, а гроб — на специальный переносной постамент, покрытый покрывалом из красного материала с траурной черной каймой. Крышку гроба снимают, и распорядитель, по предварительной договоренности, предоставляет прощальное слово кому-либо из близких или друзей умершего. По окончании слова распорядитель предлагает почтить память умершего минутой молчания. Затем работники кладбища закрывают гроб крышкой и опускают его в могилу. Распорядитель предлагает всем близким умершего исполнить старый народный обычай — бросить в могилу горсть земли. Гроб засыпают землей, и после оправки могилы на ней устанавливается надмогильное сооружение с обозначением фамилии и инициалов умершего, года и месяца рождения, года и месяца смерти. На могилу возлагают венки и цветы»²⁹.

Кого могли так хоронить? Члена Политбюро? Явно, что не рядового советского человека. В реальности практика рядовых гражданских панихид так и не сложилась, во-первых, из-за отсутствия необходимого реквизита, во-вторых, из-за искусственной театральности их «чинопоследования», душевную неловкость от участия в котором ощущали все присутствующие.

«В июне 1965 года в Ленинграде состоялось совещание по методологии атеистической пропаганды, где заведующий методическим кабинетом по атеизму поделился с коллегами следующей историей. Недавно в деревне Лисий Нос умер рабочий местного завода. Этот рабочий был, по словам его товарищей, неверующим, и директор фабрики, партком и профсоюз решили, что у него похороны будут “по-граждански”, “сгражданским митингом” и панихидой на местном кладбище. Они договорились с вдовой, что она доставит гроб на кладбище. Но когда сотрудники завода прибыли на кладбище,

²⁹ Руднев В.А. Указ. соч. С. 127–128.

они увидели там местного священника, который уже проводил похороны по религиозному обряду. Коллектив подождал до конца службы, а затем товарищи с завода начали “препираться” между собой по поводу того, кто будет произносить речь. И пока товарищи продолжали спорить, священник решил разрядить обстановку, “показывая, как хорошо он усвоил то, чему его научили в духовной академии”. Священник хорошо знал детали жизни покойного, он говорил о том, каким он был хорошим семьянином, каких он вырастил хороших детей, даже упоминая их по именам, и о том, каким он был хорошим соседом и как хорошо он ухаживал за своим приусадебным участком. Заканчивая, священник сказал, что он не будет говорить о том, каким он был хорошим рабочим, так как это и так видно по тому факту, что столько его товарищей пришли проводить его в последний путь. Ленинградский атеистический работник отметил, что после такой речи священника “ни профком, ни партком, ни дирекция — никто не решился рта открыть”³⁰.

И чем дальше от Москвы и Ленинграда жили простые советские люди, тем разительнее отличалась от идеальной книжной картинки предлагаемая им советская гражданская обрядность.

«Архивные материалы, по крайней мере, дают возможность познакомиться с вопросами, которые волновали как местных организаторов новых обрядов, так и их участников. Например, в 1975 году на расширенном заседании республиканской комиссии по социалистической обрядности заведующая отдела ЗАГС г. Харькова жаловалась, что недостаток средств и кадров подрывал идеологические и воспитательные цели новых обрядов: “От штатов зависит и проведение обрядов, количество и качество их, зависит культура обслуживания населения. Вот простой пример. Заведующая отд. ЗАГСa проводит регистрацию брака. На это торжество приходят много гостей, приносят много цветов. Упадет по лепестку с букета каждого, а в помещении отд. ЗАГСa уже грязно. Что же делать? Ведь сейчас придет новая пара для рег. брака. И тогда заведующая ЗАГСa на свой ритуальный костюм

³⁰ Смолкин-Ротрок В. Указ. соч. С. 430.

одевает халат, берет метлу и подметает пол в помещении. А потом принимает новую пару. А потом поступают жалобы от молодоженов, что их брак регистрировала уборщица, что заведующая где-то отсутствовала. Пришлось пригласить председателя исполкома и этих молодоженов. Он пытался убедить их в том, что брак их регистрировала не уборщица, а заведующая. Они не хотели верить, утверждали, что в их присутствии этот же человек убирал помещение. А что этой заведующей надо было делать?»³¹.

И более всего идеологов новой гражданской обрядности беспокоило отсутствие местных «кадров» — адекватно подготовленных чиновников, обладающих авторитетом среди местного населения — тех, кто мог принять в этот мир, поженить и похоронить советского человека со смыслом и достоинством, то есть людей, наделенных какой-то «гражданской харизмой». Вот что в 1975 году говорил своим коллегам член комиссии по новой обрядности при Одесском исполкоме:

«Самой важной, самой главной проблемой во всей многогранной системе службы внедрения современных обрядов остается проблема хорошо обученных, специально подготовленных в учебных заведениях творческих работников. В селе умер человек. Кто сегодня, завтра может выполнить от начала до конца в свете требований нового обряда ритуал этого горестного события? А в больших селах такие события почти ежедневны: кто-то умер, в какой-то семье родился новый человек, в субботу и воскресенье 3—4 свадьбы. Нужен постоянно проживающий в данном населенном пункте обученный, способный, высококультурный, глубокоуважаемый человек, личность незаурядная, владеющая дикцией, умеющая вызывать у людей эмоции. Речь идет о том, чтобы служитель обряда был специалист своего дела, такой как врач, учитель, агроном, то есть лицо должностное, с определенными обязанностями, оборудованными местами проведения обряда, различными ритуальными принадлежностями»³².

³¹ Смолкин-Ротрок В. Указ. соч. С. 453—454.

³² Там же. С. 458—459.

Если внимательно вчитаться в вышеизложенные требования, то вырисовывается образ человека, весьма напоминающий образ священника.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многолетние попытки создания и внедрения новых гражданских обрядов в жизнь советских людей закончились неудачей, являющейся частью общих неудач марксизма-ленинизма как целостной идеологии, особенно в ее практическом применении. На практике опустошенное «свято место» рождения, брака и смерти советского человека все больше заполнялось деревенскими суевериями и водкой. Этот опыт также показывает, что, пытаясь вытеснить религиозность и заменить ее атеистической гражданской обрядностью, атеистические агитаторы столкнулись с непредвиденными трудностями в деле управления духовными вопросами. Их неудачи отражают глубокий изъян в самих основах советской идеологии — ее неспособность удовлетворить духовные потребности человека. Советское государство просто не знало, как принять, поженить и похоронить обыкновенных советских граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безгин, В. Б. Старый и новый быт в традиционной крестьянской культуре (советская доколхозная деревня) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX века): сборник научных статей. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. С. 44—58.
2. Бондаренко, Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 166—171.
3. Декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 2.02.1918 // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5325/> (дата обращения: 20.05.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
4. Детям можно менять имена. «Сталь», «Майя», «Будимир» — в новом быту // Красная газета. 1927. № 4 (2650).
5. Егоров, А. Крематории России. Первый московский крематорий. Как это было // Журнал «Похоронный дом». [Электронный ресурс]. URL: <https://funeralportal.ru/library/1080/5422.html> (дата обращения: 20.05.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
6. Ильф, И. А., Петров, Е. П. Двенадцать стульев. М.: Директ-Медиа, 2012. 929 с.

7. Ильф, И., Петров, Е. Мать (1935) // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. 544 с.
8. Кашеваров, А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2005. 440 с.
9. Келли, К., Сиротинина, С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. СПб., 2008. № 8. С. 258–299.
10. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. Май–ноябрь 1920. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1981. 696 с.
11. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 8. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 705 с.
12. Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов. [Электронный ресурс]. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/006/743/1217/018Tatyana_OSIPOVICH.pdf (дата обращения: 20.03.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
13. Постановление Совета министров РСФСР от 18 февраля 1964 года № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» // Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1856#kpaNsBTBkE8xZmwU> (дата обращения: 20.05.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
14. Поэзия о гражданской войне 1918–1920 годов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-battle.ru/warfare.php?part=2&author=125&poems=851> (дата обращения: 20.05.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
15. Руднев, В. А. Советские обычаи и обряды. Л.: Лениздат, 1974. 149 с.
16. Смолкин-Ротрок, В. Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4 (30). С. 430–463.
17. Соколова, А. «Нельзя, нельзя новых людей хоронить по-старому!» // Отечественные записки. № 5 (56). 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu> (дата обращения: 20.05.2022). Загл. с экрана. Яз. рус.
18. Чуковский, К. И. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1901–1921. М.: ПРОЗАиК, 2011. 592 с.

*Поступила в редакцию 27.05.2022,
принята к публикации 20.07.2022.*

UDC: 316.72(47+57)(09)

For citation: Krasnoshchekov K., archpriest. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak element goneniy na Russkuyu PravoslavnyuTserkov': istoricheskiy obzor [Soviet civil rites as an element of the persecution of the Russian Orthodox Church: a historical review] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2022. No 3 (18). pp. 82–105.
DOI: 10.56621/27825884_2022_18_82

Archpriest Kirill Krasnoshchekov,

Candidate of Theology, Associate Professor,
Head of the Department of Church History,
Saratov Orthodox Theological Seminary,
92 Michurina str., Saratov, 410028,
Russian Federation
o.kirill@list.ru
ORCID: 0000-0002-7046-7592

Soviet civil rites as an element of the persecution of the Russian Orthodox Church: a historical review

Archpriest K. KRASNOSHCHEKOV

Abstract: The article is devoted to large-scale and, probably, the most time-consuming state efforts to introduce new civil rites, designed to educate a "new person", free from religious vestiges. The artificiality and lifelessness of the Soviet civil ritualism, its inability to satisfy the spiritual needs of a person are shown. New Soviet rituals — "Octobering" (a civil naming ceremony), "red weddings", "red funerals", "solemn registrations of marriage", "civil memorial services" have been researched.

Keywords: Soviet civil rites, persecution of the Russian Orthodox Church, "Octobering", "red weddings", "red funerals", "solemn registrations of marriage", "civil memorial services".

REFERENCES

1. Bezgin V.B. (1998) "Staryy i novyy byt v traditsionnoy krest'yanskoy kul'ture (sovetskaya dokolkhoznyaya derevnya)" [Old and new way of life in traditional peasant culture (Soviet pre-kolkhoz village)]// "Tambovskoye krest'yanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): sbornik nauchnykh statey" [Tambov peasantry: from capitalism to socialism (second half of the 19th — early 20th centuries): collection of scientific articles]. Issue 2. Tambov. pp. 44–58. (in Russian).
2. Bondarenko E.D. (2013) "Sovetskiye stsenarii imyanarecheniya: dialog s traditsiyey" [Soviet Naming Scenarios: Dialogue with

- Tradition]// "Politicheskayalingvistika" [PoliticalLinguistics]. No. 4 (46). pp. 166–171. (in Russian).
3. Kashevarov A.N. (2005) "Pravoslavnyaya Rossiyskaya Tserkov' i Sovetskoye gosudarstvo (1917–1922)" [The Orthodox Russian Church and the Soviet State (1917–1922)]. Moscow. (in Russian).
 4. Kelly K., Sirotinina S. (2008) "«Bylo neponyatno i smeshno»: prazdniki poslednykh desyatiletii sovetskoy vlasti i vospriyatiye ikh det'mi" ["It was incomprehensible and funny": holidays of the last decades of Soviet power and their perception by children]// "Antropologicheskiy forum" [Anthropological Forum]. No. 8. pp. 258–299. (in Russian).
 5. Lenin V.I. (1981) "Polnoye sobraniye sochineniy" [Complete Works]. Volume 41. May–November 1920. 5th ed. Moscow. (in Russian).
 6. Marx K., Engels F. (1957) "Sochineniya" [Works]. Volume 8. Moscow. (in Russian).
 7. Rudnev V.A. (1974) "Sovetskiye obychai i obryady" [Soviet customs and rituals]. Leningrad. (in Russian).
 8. Smolkin-Rothrock V. (2012) "Problema «obyknovennoy» sovetskoy smerti: material'noye i dukhovnoye v ateisticheskoy kosmologii" [The problem of "ordinary" Soviet death: material and spiritual in atheistic cosmology]// "Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom" [State, religion, church in Russia and abroad]. Nos. 3–4 (30). pp. 430–463. (in Russian).
 9. Sokolova A. (2013) "«Nel'zya, nel'zya novykh lyudey khoronit' po-staromu!» ["You can't, you can't bury new people in the old way!"]// "Otechestvennyye zapiski" [Domestic notes]. No. 5 (56). Available at: <https://strana-oz.ru/2013/5/nelzya-nelzya-novyh-lyudey-horonit-po-staromu> (05/20/2022). (in Russian).

*Was submitted 27.05.2022,
accepted for publication 20.07.2022.*